This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

SLAV 4340.9 381

Harvard College
Library

FROM THE FUND BEQUEATHED BY
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY
1908–1928
DIRECTOR OF THE UNIVERSITY LIBRARY
1910–1928

SLAV 4340.19 [illegible]

Harvard College
Library

FROM THE FUND BEQUEATHED BY
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY
1908–1928
DIRECTOR OF THE UNIVERSITY LIBRARY
1910–1928

В. И. Ѳедоровичъ

ДУМЫ

и

АФОРИЗМЫ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2
1884

Slav 4340.19.381

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. СПБ., 15 СЕНТЯБРЯ 1884 Г.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
JAN 29 1969

Coolidge

АВТОРЪ книги, предлагаемой вниманію русскихъ читателей — потомокъ древнерусской фамиліи, ведущей свой родъ по прямой линіи отъ Козельскихъ удѣльныхъ князей, Рюриковичей, нѣкогда владѣвшихъ Путивлемъ. Подобно многимъ другимъ княжескимъ родамъ, подпавшимъ подъ власть Польши, и Ѳедоровичи лишились своихъ правъ и титула. Имъ удалось лишь сохранить русскій гербъ съ княжеской короною. Этотъ гербъ и эта корона служатъ однимъ изъ несомнѣнныхъ доказательствъ русской національности Ѳедоровичей.

Въ ихъ родѣ дѣйствительно неизмѣнно, въ теченіи почти пяти вѣковъ, хранились національныя традиціи русскихъ людей, не разъ воодушевлявшія Ѳедоровичей на успѣшную борьбу за права своей народности. Въ лѣтописяхъ исторіи южной Россіи, начиная съ XV-го вѣка, нерѣдко встрѣ-

кого изученія, между прочимъ, явился его трудъ „Szkolnictvo w Anglii“.

Теорическое знакомство съ дѣломъ, однакожь, показалось ему недостаточнымъ. Чтобъ послужить съ пользою народному просвѣщенію въ отчизнѣ, требовалось ближе вникнуть въ интересы мѣстнаго населенія. И вотъ В. И. тотчасъ почти, по возвращеніи изъ своего путешествія на родину, принимаетъ на себя руководительство мѣстнымъ школьнымъ совѣтомъ. Наблюденія, вынесенныя изъ практики, вскорѣ оказались пригодными. В. И. Ѳедоровичъ былъ избранъ въ члены австрійскаго парламента по отдѣлу народнаго образованія. Многостороннія познанія и энергія не замедлили выдвинуть его въ ряды видныхъ дѣятелей рейхстага. Не только вопросы школьнаго дѣла подлежали его вѣдѣнію, но онъ являлся дѣятельнѣйшимъ изъ членовъ бюджетной коммиссіи, работая вмѣстѣ съ княземъ Лихтенштейномъ.

Въ 27 лѣтъ авторъ предлагаемой книги имѣлъ уже извѣстное имя, пользовался уваженіемъ, какъ политическій дѣятель, былъ вожакомъ парламентской партіи, защищавшей независимость руссиновъ отъ происковъ польской шляхты и католичества. Галицкая журналистика воздавала долж-

ное его политическимъ стремленіямъ; въ народѣ и въ средѣ дворянства имя его сдѣлалось популярнымъ и неразрывно связаннымъ съ надеждами на самобытность. Всѣ мѣстныя ученыя и патріотическія общества избрали его своимъ почетнымъ членомъ.

Кончина отца, И. А. Ѳедоровича, заставила В. И. удалиться отъ непосредственнаго участія въ политической дѣятельности. На рукахъ оказались обширныя имѣнія. Но заботы объ улучшеніи огромнаго хозяйства не помѣшали, однако, В. И. остаться во главѣ русскаго движенія въ Галиціи, проявлять свое содѣйствіе просвѣщенію народа устройствомъ школъ, библіотекъ, распространеніемъ полезныхъ книгъ, широкой благотворительностью, вліяніемъ на мѣстную интеллигенцію, словомъ, не помѣшали и не мѣшаютъ автору быть достойнымъ блюстителемъ завѣтовъ его отца.

О нравственной личности В. И. распространяться нѣтъ никакой надобности. Въ „Думахъ и Афоризмахъ“ эта личность характеризуется сама собой. „Думы“ — продуктъ наблюденій и начитанности автора. Это далеко не первый литературный трудъ В. И. Ѳедоровича. Извѣстно его, напримѣръ, „Studya polityczne, historyczne i filo-

zoficzne„. Но „Думы“ особенно любопытны въ томъ отношеніи, что въ нихъ выступаетъ ярко личность этого общественнаго дѣятеля, котораго задушевныя стремленія должны быть такъ близки русскимъ людямъ. Сравненія, метафоры, образы въ нихъ обличаютъ и оригинальность ума, и большую наблюдательность автора. Не мудрено поэтому, что „Думы“ выдержали нѣсколько изданій въ Галиціи и въ малороссійскомъ переводѣ.

Если для русскихъ читателей непремѣнно требуется опора на извѣстный авторитетъ, какъ рекомендація книги, то изъ числа разныхъ отзывовъ, встрѣтившихъ одобрительно появленіе „Думъ“, вполнѣ умѣстно сослаться на помѣщенную въ одной изъ варшавскихъ газетъ 1878 г. рецензію Крашевскаго. По словамъ польскаго поэта, „въ „Думахъ“ виденъ истинный философъ и поэтъ, излагающій свои наблюденія, собранныя непосредственно изъ жизни. Нѣтъ въ нихъ ни фразерства, ни искусственности, ни заимствованія. Можно не соглашаться съ авторомъ въ томъ или другомъ, но чувствуется, что имѣешь дѣло съ человѣкомъ убѣжденнымъ искреннимъ... Видно, что этотъ человѣкъ думаетъ, любитъ и вѣритъ, а по нынѣшнимъ временамъ и того уже много“.

I.

ПРИРОДА говоритъ со мною своими тысячью голосами. Каждый камень разсказываетъ свою исторію, каждый цвѣтокъ—свой романъ. Этотъ міръ представляется огромнымъ театромъ. Каждый человѣкъ является дѣйствующимъ лицомъ въ драмѣ или комедіи. Развѣ есть мѣсто для скуки? Пусть скучаютъ тѣ, кто ничего не видитъ.

Я вернулся изъ города. Шумъ, пыль, извощики, жиды, адвокаты, торгаши, просители. Сколько грязи въ одной кучѣ! Боже! благодарю тебя, что ты позволилъ мнѣ жить вдали отъ всего этого, среди моихъ полей, скалъ и лѣсовъ; что ты далъ мнѣ чистую воду и свѣжій воздухъ; моя комнатка такъ весела и уютна. Все на своемъ мѣстѣ, все меня ждетъ и привѣтствуетъ: „О, нашъ господинъ, мы тебя ждали, останься съ нами: мы живемъ тобою и для тебя.

Старинное кресло обняло меня своими широкими руками любовнѣй чѣмъ когда-нибудь, а часы, казалось, зачикали съ большей довѣрчивостью. Какой-то домашній духъ шепталъ мнѣ: „Что ты рыскаешь по свѣту? Развѣ лучше гдѣ нибудь, чѣмъ дома? Развѣ тебя гдѣ любятъ болѣе искренно? Здѣсь ты составляешь все — для чего же бросаешься ты въ эту суету, гдѣ люди живутъ для другихъ и забываютъ о себѣ?“ Да, подумалъ я, мы, дѣйствительно, теряемся внѣ дома, и здѣсь, только здѣсь, отыскиваемъ себя снова.

Одни живутъ у себя дома, другіе почти не знаютъ своего дома. Первые живутъ для себя, вторые для „свѣта“. Я не думаю, чтобъ была пріятна та минута, когда окажется, что жизнь прошла и человѣкъ ее прожилъ для всѣхъ, кромѣ себя, бывалъ въ различныхъ обществахъ и позабывалъ побывать хотя немного самъ съ собою.

Есть домà съ чрезвычайно красивымъ фасадомъ и очень дурнымъ внутреннимъ расположеніемъ. Есть другіе, непривлекательные снаружи, но жить въ которыхъ такъ уютно. Тоже самое и люди.

J'aime beaucoup à — herboriser parmi les hommes. Но все меньше и меньше остается интересныхъ экземпляровъ — люди становятся однообразными. Нашъ образъ жизни выработываетъ шаблонные характеры. Общество похоже на обои: куда ни взглянешь — одно и тоже. Повсюду триста тридцать три раза подъ рядъ видна одна и таже безличная фигурка китайца.

Есть любители, усердно собирающіе картины; другіе — рѣдкое оружіе, третьи — дорогой фарфоръ, четвертые — старинную бронзу или камни. По моему, если уже любить, такъ что нибудь наиболѣе совершенное. Я желалъ бы остановиться на людяхъ. Еслибъ я былъ монархомъ, мой дворъ былъ бы цвѣтникомъ людей, прекрасныхъ по формѣ или по душѣ.

Развѣ не пріятнѣй видѣть въ своемъ салонѣ улыбающуюся живую Донну-Лисса, чѣмъ ея старый почернѣлый портретъ? Развѣ не лучше прогуливаться въ саду, въ обществѣ живаго Вальтера, Мюссѐ, Делароша, Шопена, прислушиваться къ живой игрѣ ихъ мыслей и ощущеній, чѣмъ смотрѣть на мертвые скелеты ихъ мыслей, на сухія крупинки ихъ духа, которыя также похожи на свой источникъ, какъ пыльные цвѣты гербарія на живое и ароматное растеніе. Къ сожалѣнію, таковъ строй общества. Мы вѣнчаемъ мертвецовъ, а на живыхъ не обращаемъ вниманія.

Избави насъ Богъ отъ людей, которые, не умѣя думать сами, только повторяютъ читанныя, или слышанныя чужія мнѣнія. Это плагіаторы, которые сами не творятъ, но игру чужихъ мыслей выдаютъ за свою. Упорнѣе и нетерпимѣе ихъ трудно найдти, да это и понятно. Черты ихъ духа представляютъ не живой образъ, но блѣдную копію образа чужаго. Какой же ждать отъ нихъ подвижности?

Есть добро божественное и есть добро человѣческое. Первое проистекаетъ изъ вѣчныхъ и незыблемыхъ законовъ Бога. Второе основано на извѣстныхъ хозяйскихъ практическихъ мнѣніяхъ. Первое—основа благородства, второе—спекуляціи.

Очень простой рецептъ: чтобъ быть всегда правымъ, нужно повторять постоянно то, что говорятъ „всѣ". Много людей сдѣлали на этомъ блестящую карьеру.

Кто стоитъ выше: тотъ ли, кто дѣлаетъ добро, повинуясь приказанію разума, или тотъ, кто его дѣлаетъ, повинуясь влеченію сердца? Положимъ, что нѣтъ побѣды безъ боя, нѣтъ заслуги безъ жертвы, но вѣдь убѣжденіе вещь наживная; это позолота, которую намъ даетъ воспитаніе и которая отъ времени можетъ и полинять. Я пред-

почту натуры, которыя, какъ чистое серебро, издаютъ всегда чистый звукъ, какъ бы ихъ не коснулись, ибо инаго звука серебро не издаетъ. Unschuld ist schön, Tugend ist ein Pflaster, eine Operation (Rachel).

Нѣтъ хуже положенія мудраго среди глупцовъ, честнаго среди негодяевъ. Быть исключеніемъ ужасно: «Man muss mitmachen», говорятъ нѣмцы. «Suis la mode, ou quitte le monde», говорятъ французы. Эти поговорки быть можетъ и практичны, но нравственнаго въ нихъ мало.

Человѣкъ „ловкій“ предпочитаетъ дѣлать зло вмѣстѣ съ другими, чѣмъ добро одинъ. Человѣкъ благородный повинуется голосу своей совѣсти и не обращаетъ вниманія на голосъ толпы.

Кто боится того, „что скажутъ“? тотъ никогда не сдѣлаетъ ничего великаго. Развѣ мыслимо угодить всѣмъ? Faire et laisser dire! Лишь бы только была разумная цѣль и честныя средства.

Есть два сорта людей. Одни въ каждомъ случаѣ спрашиваютъ себя: честно это, или нечестно? Другіе: выгодно имъ это, или невыгодно? Прин-

ципы и утилитаризмъ, идеализмъ и реализмъ — это два міра совмѣщающіе въ себѣ все, двѣ силы борящіяся между собою всегда и вездѣ.

Одни говорятъ: для счастья ума не нужно, другіе говорятъ, что счастье ходитъ за глупцами. Я бы выразился такъ: счастье ходитъ за глупцами, а мудрый ходитъ за счастьемъ.

Говорятъ: „еслибъ мы знали, что насъ ожидаетъ". Слѣдовало бы выражаться иначе: „еслибъ мы знали, что сдѣлаемъ". Quisque fortunae suae faber.

Каковъ характеръ, такова и судьба. Каковъ человѣкъ, такова и жизнь. Спокойный характеръ — спокойная и жизнь, бурный характеръ — его удѣлъ война и бури.

Иногда и мощный духъ не въ силахъ преодолѣть матеріальныхъ преградъ и препятствій. Но онъ выберетъ себѣ иной путь, нежели духъ слабый, и иной оставитъ по себѣ слѣдъ.

Изъ грамматики, предназначенной для молодежи, я вычеркнулъ бы вовсе будущее время глагола

„дѣлать“. Пусть не спрягаютъ вовсе: „я сдѣлаю, ты сдѣлаешь“, а только „я сдѣлалъ“.

Фантазія въ человѣкѣ тоже, что паръ въ локомотивѣ: она побуждаетъ его къ дѣйствію. Но чѣмъ выше давленіе пара, тѣмъ сильнѣе должна быть машина: сильную фантазію долженъ сопровождать сильный характеръ, какъ богатство—сильная энергія.

Воля разумная — это дитя, имѣющее метрику. Воля инстинктивная, это дитя безъ документовъ. Но помимо этого, послѣднее можетъ быть и крѣпче и здоровѣе перваго.

Дѣйствіе—это огромная сила. Оно стоитъ выше, чѣмъ разумъ. Умъ безъ дѣйствія витаетъ въ небѣ, а не на землѣ. Золото въ розсыпи есть не болѣе, какъ песокъ, и только добытое представляетъ цѣнность. Разумъ оцѣнивается лишь по дѣйствію. „Rastlose Thätigkeit allein ist Leben, und gründet Leben, Gott sei darin unser Vorbild, die einzige Quelle der guten That une des gesunden Lebens (Weber). Das Prinzip der Thätigkeit ist das höchste.

Человѣкъ, котораго умъ болѣе развитъ, чѣмъ воля, будетъ всегда плохимъ исполнителемъ, ибо

будетъ больше размышлять, чѣмъ дѣлать. Рефлексія ослабляетъ волю. Стендаль сказалъ: „Si la raison fait voir, elle empêche d'agir". Ларошфуко: „Nous avons plus de force que de volonte"; Бальмесъ: „Избытокъ силъ мѣшаетъ дѣйствію".

Люди, которые управляли по своей волѣ событіями, какъ Кромвель, Петръ Великій, Наполеонъ I, не могли бы сдѣлать ничего безъ необычайной силы воли. Здѣсь характеръ стоитъ гораздо выше, чѣмъ интеллигенція.

Сила воли болѣе импонируетъ людямъ и скорѣе ихъ покоряетъ, чѣмъ разсужденіе.

Съ цивилизаціей поднимается уровень знанія, но падаетъ воля. Интеллигенція возрастаетъ, характеры мельчаютъ, ибо для ихъ образованія нужны препятствія, борьба. Какъ могутъ они выработаться среди современныхъ удобствъ и свободы? И въ этомъ отношеніи люди несомнѣнно мельчаютъ.

Въ каждомъ дѣлѣ есть много „за" и „противъ". Человѣкъ, у котораго воля преобладаетъ, видитъ лишь то, къ чему стремится. Онъ рѣшился уже заранѣе. Человѣкъ, у котораго преобладаетъ разумъ видитъ всѣ „за" и „противъ" и не можетъ

рѣшить, что дѣлать. Разсуждать слишкомъ много опасно. Нужно покориться тому, что нельзя избѣжать несовершенства въ человѣческихъ дѣлахъ и не надо забывать, что въ этой жизни зла всегда больше, чѣмъ добра.

Дѣйствительность нужно представлять себѣ такой грубой и несовершенной, какой она есть.

Нѣтъ ничего абсолютно дурнаго, или абсюлютно хорошаго. Всегда лучшая или худшая посредственность.

Природа стремится къ цѣлости и каждый жаждетъ того, чего ему не достаетъ. Бѣднякъ мечтаетъ о богатствѣ, больной о здоровьѣ. Здоровый о здоровьѣ не думаетъ, — это ясно. Гумбольдтъ говоритъ: „La vie est une équation des conditions“.

Я горячо молю Бога дать мнѣ только два нужнѣйшихъ средства для всякой работы: здоровье и постоянство, или силу духа и тѣла. Съ остальнымъ я справлюсь самъ. Сила — главное основаніе всему, но ея источникъ лежитъ за предѣлами нашего знанія и воли, и потому человѣчество никогда его не пойметъ. Силу мы можемъ лишь желать. Но кто знаетъ, не есть ли это желаніе силы

уже само ея источникомъ? Мы видимъ, что сильное желаніе даетъ силу, но что даетъ силу „желать сильно?“ That is the question!...

Кто вѣритъ, тотъ имѣетъ силу. Кто имѣетъ идею, имѣетъ жизнь. У кого есть цѣль — есть и будущее. Der Mensch wächst mit seinen Zielen.

Взять нельзя ничего — можно лишь обмѣнить. Въ природѣ нѣтъ ничего безплатнаго. За вѣчную жизнь платятъ жизнью временной. За безсмертіе отдается жизнь. Но дать жизнь, значитъ дать все. Все?! Rien ne vaut tout. Лучше неизвѣстность, но счастіе. Самая яркая слава не стоитъ тихаго счастія. Припомнимъ конецъ молитвы Господней: „Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь и не введи насъ во искушеніе!

Люди неумолимы въ своей зависти. Нужно сойти съ арены, нужно умереть, чтобы соперничество было прощено. Пусть лишь немного кто нибудь высунется впередъ, чтобы запоздавшіе закричали на него.

Есть лишь одинъ случай жертвы, которая не отмщается на жертвователѣ—это жертва жизнью.

Какъ легко увлекается молодой человѣкъ съ горячимъ сердцемъ различными обманчивыми образами, которыхъ ничтожность становится ему ясна лишь послѣ грустнаго жизненнаго опыта! Но насколько же выше стоитъ тотъ, кто, увлекаясь своимъ добрымъ сердцемъ, надѣлалъ тысячу глупостей сравнительно съ тѣмъ, кто не сдѣлалъ ни одной.

Есть одинъ инструментъ, распутывающій всѣ недоразумѣнія. Этотъ инструментъ — правда.

На низость отвѣчать низостью — дѣлать тоже самое въ чемъ обвиняютъ противника: сойти до его уровня. Но низости противупоставить благородство — это дать понять противнику разницу между нимъ и собой, не сходя съ своего пьедестала.

Гордость и тщеславіе — двѣ вещи совершенно различныя. Тщеславный человѣкъ вынесетъ втайнѣ всякія оскорбленія. Лишь бы ихъ цѣною онъ могъ прицѣпиться къ какой нибудь важной особѣ. Гордый и за цѣлое государство не пойдетъ туда, гдѣ можетъ достать его укоризна. Онъ скорѣй согласится быть первымъ въ своей хатѣ, чѣмъ вторымъ въ Римѣ. Шопенгауэръ говоритъ, что величайшій врагъ гордости — тщеславіе.

Ложный аристократъ стыдится, не имѣя золотыхъ часовъ, но спокойно уйдетъ, не давъ ничего на чай прислугѣ. Настоящій аристократъ будетъ спокойно носить старый сюртукъ, но не вынесетъ даже намека на скаредность. Еслибы, уѣзжая, у него въ карманѣ нашелся одинъ послѣдній золотой, онъ безъ колебанія броситъ его прислугѣ.

Бережливость даетъ то внутреннее удовлетвореніе, которое уходитъ отъ насъ все дальше и дальше, по мѣрѣ того, какъ мы бросаемъ деньги чтобы его достигнуть.

Это хорошо, что бережливость становится у насъ модой. Обезьянничанье можетъ помочь намъ гораздо больше, чѣмъ всѣ науки и проповѣди. Оно было бы, пожалуй, однимъ изъ прекрасныхъ двигателей общественной нравственности, еслибы наша аристократія захотѣла быть вѣрной своему общественному призванію и вела общество хорошимъ примѣромъ.

Еслибы!

Одѣваться слѣдуетъ такъ, чтобы всякій видѣлъ, что мы одѣваемся для себя, а не для другихъ; самая важная персона для насъ — мы сами: неужели же нужно для себя одѣваться хуже? Если уже кошки по внутреннему инстинкту такъ за-

ботятся о чистотѣ своего туалета, то тѣмъ болѣе это обязательно для людей. Чистый воротничокъ есть нѣкоторымъ образомъ вывѣска. „Господинъ въ этомъ домѣ, гласитъ она, любитъ чистоту и порядокъ“ — и въ такой домъ входишь съ удовольствіемъ.

Недостаточно имѣть чистую душу — нужно имѣть и чистую рубашку.

Какъ пестрота цвѣтовъ въ костюмѣ, такъ и пестрота мыслей въ головѣ производятъ непріятное впечатлѣніе. Нужно быть почти артистомъ въ умѣньи себя держать и въ своемъ обхожденіи подняться до классицизма. Какъ греческая пластика не допускала рѣзкихъ проявленій, какъ нарушающихъ спокойствіе высшей красоты, такъ вполнѣ благовоспитанный человѣкъ не долженъ позволять себѣ ничего выходящаго изъ границъ эстетики. Его восторгъ долженъ проявляться въ смягченной формѣ удивленія; благодарность — признательности; радость — удовольствія. Обезьяны потому такъ и смѣшны, что проявляютъ слишкомъ рѣзко всѣ свои ощущенія.

Нашъ духъ долженъ всегда господствовать надъ матеріей и обстоятельствами, всегда быть цѣлой головой выше всего, что ему можетъ встрѣтиться.

Обыкновенные, мелкіе люди обращаютъ гораздо больше вниманія на мелочи, нежели на суть дѣла. Пусть создаетъ кто нибудь замѣчательное твореніе, но если его галстухъ съѣдетъ какъ нибудь нечаянно на затылокъ, послѣднее впечатлѣніе рѣшительно заслонитъ и талантъ, и умъ и заслуги.

Дѣйствительность жизни и общественныя условія требуютъ, чтобы, начиная съ извѣстнаго возраста, человѣкъ становился холоднымъ и разсудительнымъ. О, какъ это трудно для людей съ живымъ темпераментомъ, ибо кровь труднѣе держать на возжахъ, чѣмъ лошадь.

Слишкомъ широкое общее образованіе часто отзывается вредно въ практической жизни. Тотъ сельскій хозяинъ будетъ неизмѣримо счастливѣе и спокойнѣе, который можетъ безраздѣльно, всей душой отдаться своему дѣлу, чѣмъ тотъ, котораго умственные горизонты слишкомъ широки сравнительно съ его бѣднымъ, маленькимъ клочкомъ земли.

Кто хочетъ счастья, тотъ не долженъ требовать отъ жизни слишкомъ многаго. Разстояніе между тѣмъ, что мы имѣемъ и тѣмъ, что мы стремимся получить, не должно быть слишкомъ велико.

Нельзя желать устроить цѣлый міръ по своему вкусу; нужно же позволить и другимъ имѣть свой голосъ.

Если есть что нибудь наиболѣе способное показать все ничтожество роскоши, развлеченій и разврата, вызвать пресыщеніе и тоску по простой трудовой жизни,—конечно, въ душѣ еще не утратившей здороваго инстинкта, еще способной слышать голосъ природы — голосъ Бога, то это, конечно, Парижъ.

Хорошее расположеніе къ намъ возбуждаетъ хорошее расположеніе и въ насъ; это вѣрно и на этомъ основана вѣжливость. Это освѣщаетъ также слѣдующее мѣсто у Бульвера: „Общество, которое такъ холодно къ людямъ его презирающимъ, относится наоборотъ съ живой признательностью къ людямъ, которые всей душой участвуютъ въ его интересахъ и забавахъ“.

Двѣ силы: отталкиванія и притяженія — центробѣжная и центростремительная — вотъ причина всѣхъ явленій въ человѣкѣ и въ исторіи, въ отдѣльномъ атомѣ и въ цѣлой природѣ.

Только то имѣетъ этическую цѣнность, что дѣлается безкорыстно.

Честность стоитъ выше, чѣмъ разумъ. Но эта самая честность не есть ли лишь традиціонный разумъ?

II.

МѢСТО въ исторіи есть для всѣхъ, но господствовать вѣчно не могутъ ни данная идея, ни народъ. Это было бы нарушеніемъ міровой равноправности. Идеи и народы управляютъ міромъ по очереди. Во время своего существованія каждый исполняетъ свое предназначеніе и, когда споетъ свою партію въ историческомъ концертѣ, уступаетъ мѣсто другому. Вотъ на чемъ основана равноправность и предназначеніе народовъ, какъ единицъ, и только этимъ путемъ можетъ выразиться ихъ индивидуальность.

Рабство и свобода, какъ свѣтъ и тѣнь умѣряютъ одно другое.

Свобода единицы — рабство общества; свобода общества — рабство для единицы. Первое — тираннія самовластія; второе — тираннія порядка.

Свобода безсильна передъ лѣностью, глупостью и испорченностью. Гдѣ къ исполненію своихъ обязанностей не понуждаются внутренней силой, нужна чужая палка. Дать полную свободу тамъ, гдѣ нѣтъ еще высоко развитой необходимости труда— значитъ санкціонировать анархію.

Противъ лѣни есть средство: пресыщеніе страны населеніемъ: оно дѣйствительно понуждаетъ къ работѣ, но является вмѣстѣ съ тѣмъ страшнымъ бичемъ.

Нужда заступила мѣсто крѣпостнаго права. „Die Maschine mehr als alle Philantropie hat die Sclaverei beseitigt, aber nur um Sclaverei anderer Art an ihre Stelle gu setzen“. (Helwald).

Я молился когда-то: Боже, пошли намъ ангела мира и согласія.

Но я убѣдился, что свобода для насъ несчастіе. Это война всѣхъ противъ всѣхъ; поэтому, желая покоя для моей родины, молю Творца: Пошли намъ, о Боже, мудраго деспота, дай этимъ бѣднымъ дѣтямъ гувернера!

Слѣдовало бы пополнить „Отче нашъ“ такимъ образомъ ..... „сохрани насъ и отъ политическихъ утопій и избави отъ фальшивыхъ патріотовъ“.

Недоучки — величайшій бичъ современныхъ обществъ.

Надо уважать глупость, ибо ей принадлежитъ большинство голосовъ.

Собственный опытъ — это, конечно, наука самая прочная, но она пріобрѣтается очень медленно и дорого стоитъ. Счастливъ тотъ, кто имѣлъ умнаго отца: онъ получилъ въ наслѣдство хорошій мыслительный аппаратъ и пріобрѣлъ, находившійся въ домашнихъ традиціяхъ, готовый капиталъ познанія свѣта и людей.

То, что дѣти слышатъ во время завтрака и обѣда развиваетъ ихъ неизмѣримо больше, чѣмъ то, что они слышатъ въ школѣ. Богъ далъ человѣку естественную школу—домъ, и естественныхъ учителей—родителей. Но человѣкъ хочетъ всегда быть умнѣе Бога. Онъ высылаетъ ихъ изъ дому и сдаетъ ихъ наемнымъ учителямъ.

Учитель сидитъ на каѳедрѣ и дремлетъ, или чиститъ ногти. Ученики рисуютъ въ тетрадкахъ лошадокъ, или играютъ подъ лавкой въ карты; одному научаются они въ школѣ неизмѣнно: неуважать старшихъ. Вотъ школа, какова она есть въ дѣйствительности.

Наши школы — это фикція. Кончивши курсъ, мы замѣчаемъ, что молодость прошла безполезно.

Я бы никогда не отдалъ своихъ дѣтей въ общественное заведеніе, ибо я смотрю на науку серьезно и слишкомъ цѣню время и молодые годы, чтобы тратить ихъ на пустую церемонію, называемую школьнымъ образованіемъ.

Я удивляюсь, что никто не протестуетъ противъ того страшнаго злоупотребленія, вслѣдствіи котораго нашу едва созрѣвающую молодежь калѣчатъ и уродуютъ физически и нравственно. Портятъ желудокъ сидѣньемъ, когда организмъ требуетъ движенія. Портятъ мозгъ, притупляя его зубреньемъ безъ смысла.

Вмѣсто того, чтобы учить мыслить и дѣйствовать, заставляютъ повторять машинально безсмыслицы, сочиненныя авторами — ремесленниками. Слабость тѣла, слабость духа, атрофія естественныхъ силъ—вотъ результатъ нашей воспитательной системы. И удивляются еще, что наша молодежь деградируетъ и физически и нравственно.

Образованіе, которое даютъ наши школы, разрушаетъ вѣру, но не складываетъ убѣжденій. Результатъ?—Люди безъ вѣры и убѣжденій.

Страшная вещь—манія къ разрушенію сложившихся вѣками вѣрованій. Ну, а если то, что должно стать на ихъ мѣста, окажется ложно, что тогда? Можно ли вернуть утраченную вѣру? Вѣра тоже что невинность. Потерять ее можно только разъ.

Характерно то, что громче всѣхъ кричатъ о просвѣщеніи люди города, люди, которые не живутъ съ народомъ и объ его потребностяхъ имѣютъ лишь представленіе созданное ими самими, или вычитанное изъ книжекъ, написанныхъ подобными имъ.

Странно, отчего въ десяти заповѣдяхъ, тамъ гдѣ говорится: „не лги“ не говорится: „не говори о вещахъ, о которыхъ ты не имѣешь понятія“.

Анархія и революція въ семействѣ, въ общинѣ и государствѣ. Революція эта, усиливаемая слабостью правительства, отнимаетъ постепенно власть у отца и у хозяина, у сельскаго начальника и у монарха, и нѣтъ ни у кого силы поддержать разрушающійся порядокъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что разрушительнѣе анархіи? „Une nuit d'anarchie est pire qu'un siècle de tyrannie“.

Странное наше время! Законы все улучшаются, а люди становятся хуже. Ну и что же изъ того, что законъ хорошъ, если судья запираетъ злодѣя въ одну дверь и выпускаетъ въ другую? Довольно бы и тѣхъ законовъ, какіе существуютъ, но нужно создать людей, которые умѣли бы ихъ добросовѣстно исполнять.

Нашъ судъ сталъ игрой въ шашки. Въ немъ выигрываетъ болѣе находчивый и остроумный.

Всѣ судебныя распоряженія и вся письменность — это не болѣе, какъ старая схоластическая казуистика. Дѣло идетъ не объ удовлетвореніи нужды, а объ исполненіи формы.

Какъ въ полузавядшемъ растеніи торчитъ вѣтвь засохшая и лишенная соковъ, такъ въ старыхъ обществахъ торчатъ пустыя формы безъ содержанія.

Теоретики вліяютъ разрушительно на общественное зданіе. Вся безурядица проистекаетъ изъ извѣстной „étroi tesse d'ésprit" ученыхъ, знакомыхъ съ жизнью не изъ жизни, а изъ книги. Должна явиться новая школа въ наукѣ и политикѣ, которая будетъ основана на потребностяхъ реальныхъ, а не на отвлеченныхъ умозаключеніяхъ. Эти умозаключенія должны вытекать изъ потребностей, быть только выраженнымъ a posteriori, опредѣленіемъ данныхъ отношеній. Необходимо знать и ту другую часть политической экономіи, которая еще не написана, которую можно познать лишь въ практической жизни, и предъ которой каждый изъ нынѣшнихъ ученыхъ есть невѣжда.

Та общая польза, которая не есть сумма индивидуальныхъ пользъ народа, есть фикція, ибо народъ — сумма отдѣльныхъ личностей и его кол-

лективный интересъ есть сумма интересовъ личныхъ.

Всякая система — фикція. Природа системы не знаетъ. Наилучшая система — отсутствіе всякой системы.

То учрежденіе наилучшее, которое всего легче измѣняется.

Неудовлетвореніе нуждъ порождаетъ, удовлетвореніе умѣряетъ общественные вопросы. И нѣтъ инаго способа, какъ дать то, что кому дѣйствительно необходимо.

Парламентаризмъ, еще столь молодой у насъ, уже успѣлъ выродиться въ схоластику. Всѣ наши парламентскія пренія стоятъ не дороже, чѣмъ вымолоченная солома.

Легче разъ оказать геройство и умереть за отечество, чѣмъ жить для него всю жизнь. Легче произвести смѣлую демонстрацію передъ глазами поощрительно расположенной толпы и этимъ, при небольшой затратѣ труда, заработать крупный дивидендъ славы, чѣмъ работать тихо наединѣ, въ теченіи долгихъ лѣтъ, безъ яркихъ результатовъ и легко дающихся аплодисментовъ, или служить позабытымъ въ далекомъ уголкѣ своей родины и

охранять трудную и неблагодарную работу на той родной землѣ, которой грозитъ нашествіе хуже татарскаго. Легче произнести компрометтирующую рѣчь, чѣмъ скромно отказаться отъ слова въ популярномъ вопросѣ.

Объ этомъ громко свидѣтельствуютъ всѣ неразрѣшенные къ концу сессій вопросы въ представительныхъ учрежденіяхъ, или еще хуже, разрѣшенные кое-какъ, наскоро, за недостаткомъ времени, потраченнаго на упражненія въ краснорѣчіи разныхъ ораторовъ.

Въ противуположность государственной организаціи общества въ прошломъ — духъ событій указываетъ на общественную организацію государства въ будущемъ.

Славяне слишкомъ лѣнивы для самоуправленія, которое для своего правильнаго хода требуетъ большей выдержки и предпріимчивости, чѣмъ то, которая лежитъ въ нашемъ характерѣ.

Наиболѣе активною и крѣпкою физически и нравственно является раса Англо-Саксонская. Это кажется происходитъ потому, что она произошла отъ брака такихъ отдаленныхъ народовъ, отъ

сліянія такой различной крови. Какъ въ огромномъ водоворотѣ столкнулись на этомъ полуостровѣ — потокъ южный — римскій съ потокомъ сѣвернымъ — скандинавскимъ. Столкновеніе было могучее и родило могучую индивидуальность.

Французы дѣлаютъ въ политикѣ всегда десять шаговъ впередъ и шесть назадъ.

Каждая страна имѣетъ свой собственный характеръ — свою душу. Этотъ характеръ и душу носятъ въ своей груди ея коренные обитатели. Развѣ чужеземецъ, хотя бы и принявшій гражданство, можетъ замѣнить свою прежнюю душу новой. Развѣ прибывшій въ Америку колонистъ, есть уже Янки?

Дворянинъ безъ мужества и солдатъ безъ оружія — каррикатуры.

Мужество и отвага выработали свое сословіе, дали ему общественную роль и практическую цѣнность; — безъ нихъ это сословіе теряетъ смыслъ своего существованія, свою стоимость, становится негоднымъ для выполненія своей задачи, какой-то неосновательной претензіей — каррикатурой.

Дворянство не расширяетъ свободы, оно ее ограничиваетъ, налагая большія обязанности. Для дворянина кромѣ законовъ гражданскихъ существуютъ еще законы чести и законы корпораціи, болѣе тонкіе и острые, чѣмъ первые. — Enchaine mais ennoblie.

Я убѣжденъ, что религія и цивилизація должны быть друзьями, а не врагами и что обѣ несомненно будутъ въ выигрышѣ. Цивилизація повліяетъ на религію въ смыслѣ чистоты и практичности, религія на цивилизацію въ смыслѣ приданія ей нравственной основы, идеализма и благородства.

Когда же наше общество научится цѣнить своихъ государственныхъ мужей по ихъ трудамъ, а не по публичнымъ засѣданіямъ, по ихъ характерамъ и способностямъ, а не по краснорѣчію? Это случайный даръ, оружіе острое, но опасное; и какъ часто служитъ оно дурнымъ цѣлямъ!

Есть одна вещь очень легкая для честныхъ людей и особенно трудная для негодяевъ: безкорыстіе. Вездѣ негодяи будутъ пѣть такимъ же голосомъ, какъ и самые честные; но вотъ этой пѣсенки они никогда не споютъ, никогда не скажутъ вмѣстѣ съ Дэакомъ: „Я работалъ безъ жалованья для моей

родины; я не принялъ ни пенсіи, ни ордена, ни каммергерства, ни министерства".

Этимъ они не занимаются.

У входа на политическую арену, какъ на древнихъ турнирахъ, долженъ стоять герольдъ и спрашивать каждаго входящаго: „идешь ли брать, или давать"? Ибо это тоже арена чести. Кто вступаетъ на нее, того имя вписывается на страницы родной исторіи; поэтому и вступать на это поле народъ долженъ позволять лишь тѣмъ, кто несетъ въ жертву свой трудъ и жизнь.

Для спекуляціи есть циркъ налѣво съ надписью „биржа".

Древніе рыцари носили сверхъ брони бѣлую рубашку съ гербовымъ знакомъ на груди. На ней не могло быть инаго пятна, кромѣ пятна крови.

О, зачѣмъ же тѣ, которые кричатъ, что они борются за свою родину, не носятъ подобныхъ рубашекъ.

Тогда бы видно было, что на нихъ за знаки ихъ происхожденія. Орелъ, или ужъ, и что за пятна: кровь, или грязь?

III.

ЕСТЬ различные умы: острые, глубокіе, осторожные, героическіе и т. д. Но одинъ царитъ надо всѣми. Онъ относится къ разряду здравыхъ умовъ. Я бы назвалъ его „умомъ Франклина“. Онъ соединяетъ въ себѣ всѣ три элемента: правду, добро и красоту.

Есть люди съ умомъ такаго рода: они очень умно говорятъ объ извѣстной вещи и очень глупо дѣлаютъ, что говорятъ о ней.

Одни мыслятъ быстро, но какъ нибудь; другіе медленно, но мудро.

Есть люди, которые мыслятъ фальшиво, какъ другіе фальшиво поютъ. У этихъ неправильно устроена гортань, у тѣхъ мозгъ.

Глупцы никогда не останутся въ равновѣсіи: они все приведутъ ada bsurdum.

Патти получила отъ природы необыкновенный голосъ, Моцартъ необыкновенный слухъ. Есть люди, которые получили необыкновенный мозгъ, великолѣпный аппаратъ мышленія. Онъ чувствителенъ, какъ компасъ, и видитъ далеко, какъ телескопъ.

Геній въ народѣ то, что въ человѣкѣ сердце: органъ чувства. Онъ скорѣй и сильнѣй всѣхъ чувствуетъ всякую живую струю. Въ немъ концентрируется жизнь и пульсируетъ съ особенной силой. Это благороднѣйшій и нѣжнѣйшій органъ народа.

Химикъ можетъ разложить органическое тѣло на его элементы, но составить его изъ нихъ не въ состояніи. И не только не можетъ наука создать органическое вещество, но она еще не умѣетъ угля превратить въ алмазъ: она говоритъ, что у ней нѣтъ въ распоряженіи того геологическаго жара, который былъ въ природѣ при кристаллизаціи алмаза. И алмазы мысли кристаллизуются лишь тамъ, гдѣ въ глубинахъ духа есть необходимый жаръ. «Le génie, говоритъ Дюма, n'est que le trop plein des sensations, c'est la flamme du

coeur qui fait bouillêr le cerveau". Тоже говоритъ и Висневскій: „Геніальный человѣкъ чувствуетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ другіе. Это чувство при каждой мысли съ быстротою молніи передается въ глубины сердца. Все, что его окружаетъ, производитъ на него сильнѣйшее, чѣмъ на другихъ, впечатлѣніе, каждая мысль его воспламеняетъ и увлекаетъ". «A mesure que l'onaplus d'esprit, les papions sont plus grandes.—Dans une ame grande tout est grand», говоритъ Паскаль.

Можно при долгой работѣ сдѣлать многое и съ маленькими силами. Но есть вещи, которыя требуетъ чрезвычайныхъ напряженій духа—такаго вдохновенія, котораго нельзя замѣнить ни усидчивостью, ни рутиной.

Милліоны обыкновенныхъ душъ въ теченіи милліоновъ лѣтъ не произведутъ идеи, которую геній бросить мимолетно въ минуту вдохновенія. Это происходитъ по той же причинѣ, почему сотня каплуновъ не заманитъ и одного пѣтуха.

Правда, что съ точки зрѣнія пользы отдѣльнаго человѣка умѣренныя свойства головы и сердца полезнѣй. Здравый смыслъ, твердый въ своихъ заключеніяхъ, осторожно распоряжающійся тѣмъ, что

у него есть, скорѣе приноситъ удовлетвореніе, чѣмъ далеко смотрящее честолюбіе. Но для человѣчества, однако, гораздо дороже именно натуры съ могучими страстями, ибо только онѣ способны встряхнуть жизнь въ ея ежедневности и спячкѣ, разрушить преграды и толкнуть на дѣло, котораго требуютъ высокія задачи.

Никто не умѣетъ оцѣнить какъ слѣдуетъ, сколь дорого оплачиваетъ человѣкъ божественную часть своего духа. Прекрасно выразилъ это Эсхилъ въ своемъ Прометеѣ. Этотъ огонь, украденный у боговъ, — его идеи; скала, къ которой онъ прикованъ—матеріальная обстановка жизни; коршунъ, который терзаетъ его сердце — это его собственныя думы, никогда не прекращающіяся, вѣчно грызущія и толкающія его впередъ и впередъ.

Нельзя требовать, чтобы человѣкъ обладалъ всѣми преимуществами вмѣстѣ. Это было бы даже невозможно, ибо одно уничтожало бы другое. Нельзя имѣть руку одновременно нѣжную и сильную.

Недостатки сопутствуютъ совершенству. Нельзя себѣ представить генія безъ свойственныхъ генію недостатковъ. Эксцентричность, рѣзкіе порывы

въ мысляхъ и чувствахъ — это необходимые аттрибуты силы и гибкости его духа:—„d'efauts de ses qualités“.

Въ горахъ, а не въ болотахъ лежатъ дорогіе минералы. Въ великихъ душахъ лежало то, что составляетъ богатство человѣчества.

Mon esprit est toujours du coté de mon sentiment. Къ кому не лежитъ мое сердце, того не знаетъ и мой разсудокъ.

Умъ созрѣваетъ въ испытаніяхъ, какъ хлѣбъ на солнцѣ. Характеръ раскаляется въ несчастіи, какъ сталь въ огнѣ. Жизнь—великій training для людей; кто его выдержитъ, будетъ дѣйствительно годенъ къ чему нибудь.

Сильный умъ безъ сильнаго характера—ничто, абстракція. Только воля даетъ мысли крылья, клювъ и шпоры. Дѣйствіе пріучаетъ ее къ полету и даетъ добычу. Орлиной мысли — орлиная и добыча, вороньей — воронья.

И Патти не всегда въ голосѣ, и геній не каждую минуту геніаленъ.

Самый умный человѣкъ и тотъ бредитъ въ горячкѣ. «Il est impossible d'être amoureux et sage ler même temps», сказалъ Веруламъ.

«Affection aveuble raison», говоритъ старая пословица. Ларашфуко говоритъ: «La passion fait souvent un fou du plus habile homme». Гейне: «Die Liebe ist immer eine Art Wahnsinn».

Чѣмъ больше любви, тѣмъ меньше разума.

Умъ долженъ быть полицеймейстеромъ чувствъ и держать природу на возжахъ, какъ хорошій кучеръ рысака.

Мудрецъ можетъ имѣть цѣнность только для мудреца. Для глупца его разумъ не имѣетъ значенія, ибо разумъ понимается лишь разумомъ.

Острота, подобно заряду пороха, должна дать выстрѣлъ моментальный. Не можетъ быть остроты, разогнанной на нѣсколько листовъ.

Остроумнымъ легко быть въ присутствіи нисшихъ себя. Тамъ, гдѣ успѣхъ несомнѣненъ, мысли смѣлѣютъ.

Что пользы, если передъ нами стоятъ изысканныя кушанья и прекрасныя вина, а мы больны и потеряли вкусъ? Наслажденіе зависитъ отъ нашего собственнаго настроенія. Сервантесъ писалъ Донъ-Кихота въ тюрьмѣ.

Нашъ умъ, какъ цвѣтной фонарь, показываетъ намъ вещи въ цвѣтѣ нашего настроенія.

Въ головѣ человѣка и въ природѣ ночь и зима успокоеніе: собираются силы для новой компаніи.

Учиться нужно постоянно. Нужно, чтобы человѣкъ обновлялся умственно съ каждымъ новымъ утромъ, съ новымъ годомъ, съ новымъ понедѣльникомъ, съ новыми желаніями и предпріятіями.

Чтобы быть великимъ, человѣкъ требуетъ постояннаго движенія. Стоячая вода загниваетъ. Даже деревья требуютъ, чтобы ихъ встряхивалъ вѣтеръ.

Мысль не знаетъ пограничныхъ столбовъ.

Однѣ мысли похожи на солому, другія на зерно. Когда это зерно упадаетъ на добрую почву, немедленно выростаетъ новый кустикъ мысли.

Изъ твореній глубокихъ мыслителей человѣкъ вычитываетъ всегда что нибудь новое. Слова все тѣ-же не возбуждаютъ новыхъ мыслей и чувствъ, ибо въ нихъ такая же глубина и безконечность, какъ въ звѣздахъ на небѣ.

Серьезное чтеніе похоже на старое вино, котораго много пить нельзя, ибо тяжелѣетъ голова.

Только зимніе мѣсяцы представляютъ удобную пору для литературныхъ работъ. Весной мысль обращается невольно къ природѣ и живому дѣлу, а художество, искусство блѣднѣютъ.

Вотъ уже три недѣли, какъ я живу въ городѣ, хожу по музеямъ, садамъ. Все такъ чудесно, но похоже на варенье — хорошо, лишь бы немного.

Какъ бы кто ни любилъ искусство, но однимъ святымъ духомъ жить нельзя — нуженъ и хлѣбъ, нужно и подумать и поговорить по человѣчески.

Это требованіе физіологическое. Какъ тѣло требуетъ перемѣны воздуха, такъ духъ требуетъ перемѣны ощущеній.

Чувство красоты ищетъ всегда новые объекты. Не потому, чтобы измѣнялась красота: она всегда таже, но измѣняется нашъ вкусъ, измѣняются его органы. Его утомляетъ однообразіе, увлекаетъ новизна. Онъ бросаетъ высосанную ягоду и беретъ свѣжую.

Измѣненіе вкуса не есть произвольный капризъ. Напротивъ, оно имѣетъ глубокія физіологическія и философскія основанія. Послѣ садовъ въ версальскомъ вкусѣ наступаютъ сады англійскіе, подражающіе природѣ. Классицизму наслѣдуетъ романтизмъ, за идеализмомъ слѣдуетъ реализмъ, какъ послѣ опьяненія виномъ является жажда чистой воды. Словомъ, и въ перемѣнахъ вкуса являются такіе же неизмѣнные законы, какъ и въ перемѣнахъ климата.

Уже Вико, Гердеръ, Геге и Шопенгауэръ замѣтили это.

Отчего романтизмъ долѣе удержался въ музыкѣ, чѣмъ въ поэзіи и живописи?

Nihil novi sub coelo. Въ этомъ мірѣ никто не отниметъ и не прибавитъ ни одного атома. Все

тѣже и краски, и звуки, лишь въ новыхъ комбинаціяхъ.

Нѣтъ ничего прекраснѣе лунной ночи. Пусть постоянно пишутъ о ней поэты: будетъ всегда что нибудь новое. Пусть плыветъ она по своей старой орбитѣ. Ея вліяніе будетъ всегда свѣжо.

IV.

Вопросъ, кто выше стоитъ: женщина или мужчина, вопросъ праздный. Развѣ можно спрашивать, что лучше „mol“ или „dur“. Есть области, въ которыхъ мужчина всегда останется позади женщины, есть также области, въ которыхъ женщина не сравнится съ мужчиной.

На соотвѣтственной территоріи духа женщина иногда скорѣе отгадаетъ что нибудь сердцемъ, нежели мудрецъ разумомъ. Съ этой стороны женщина стоитъ ближе къ природѣ и къ Богу, ея инстинктъ сильнѣе, чѣмъ инстинктъ мужчины: а инстинктъ стоитъ выше, чѣмъ разумъ.

Когда приходится войти въ ложу швейцара и спросить о чемъ нибудь, всегда отвѣтитъ его жена или дочь раньше, чѣмъ онъ самъ. Женщины впе-

чатлительнѣе, соображаютъ быстрѣе и часто какая нибудь новая идея, для мужчинъ еще непонятная, находитъ въ нихъ своихъ первыхъ апостоловъ. Ламартинъ сказалъ: „Il y a une femme à l'origine de toutes les grandes choses". Я прибавилъ бы къ этому, что въ молодости великаго человѣка есть всегда женщина, которой принадлежитъ по праву часть славы художника. Она не была тѣмъ огнемъ, который свѣтитъ, но была весталкой этого святаго огня, поддерживала его, а можетъ быть зажгла и сама въ душѣ генія.

Душа поэта похожа на бриллiантъ: едва упадетъ на него свѣтовой лучъ, какъ въ его лонѣ заиграютъ тысячи разноцвѣтныхъ огней. Такимъ лучемъ бываетъ иногда одинъ лишь взглядъ, и кто знаетъ, сколько великихъ твореній родились отъ этого взгляда!

Поэтъ для народа тоже, что рефракторъ для свѣта. Онъ концентрируетъ свѣтъ въ своемъ лонѣ и отбрасываетъ сильнѣе, чѣмъ другіе.

Поэты — уста народа; что народъ чувствуетъ, то они выражаютъ.

Есть люди, которые при всякомъ удобномъ случаѣ спрашиваютъ: „что это стоитъ?" Увидя лан-

дышъ, они задаютъ вопросъ: „не годится ли онъ для салата?“

Нельзя тащить все въ ротъ, какъ это дѣлаютъ дѣти. Есть блюда, на которыхъ не подаютъ кушанья, есть кубки, изъ которыхъ не пьютъ. Они стоятъ неприкосновенными, какъ чудеса искусства, какъ мощи великихъ учителей, какъ вещи принадлежащія гостиной, а не кухнѣ. Тоже можно сказать и о нѣкоторыхъ женщинахъ.

Жениться, не отдавая своего сердца — низость. Берутъ то, чего вернуть нельзя, и не отдаютъ того, что обѣщаютъ дать.

Если ложь подла вездѣ, то здѣсь она подлѣе всего: ибо ей въ жертву приносится душа. У человѣка воруютъ жизнь. А развѣ можно взять больше, чѣмъ жизнь?

Женитьба, основанная на разсчетѣ, не можетъ быть оправдана, или, вѣрнѣе, можетъ быть оправдана разумомъ, но не сердцемъ. Но основой счастья служитъ чувство, а потому, желая быть счастливымъ, нужно слушаться только сердца.

Жениться безъ любви — страшная ошибка; это тоже, что поставить на одну карту все состояніе

и проиграть. Я не понимаю самоубійцъ, которые рѣшаются это дѣлать.

Человѣкъ стремится къ цѣльности. Каждый ищетъ того, чего ему не достаетъ. Слабость ищетъ силы. Огнистая, бурная душа ищетъ души тихой и спокойной, какъ прозябшій ищетъ тепла, а страдающій отъ жары — холода. Это союзъ разумный, ибо естественный; опирается онъ на обоюдной необходимости и доказываетъ еще разъ, что инстинктъ лучшій путеводитель, чѣмъ разумъ.

Разумъ говоритъ въ профессорѣ, инстинктъ въ природѣ, а голосъ природы — это голосъ Бога.

Женщина легче перенесетъ деспотизмъ, чѣмъ слабость мужа. Мишле говоритъ: „un bon cheval aime à sentir son frain“.

Есть духовная красота, озаряющая лице святымъ блескомъ, и эта красота можетъ облагородить и сдѣлать прекраснымъ даже некрасивое лице.

Двѣ тысячи лѣтъ назадъ уже писалъ объ этомъ Платонъ въ своемъ „Банкетѣ“, совѣтуя выбирать предметомъ привязанности красоту душевную, а не тѣлесную, какъ совершеннѣйшую во всѣхъ отношеніяхъ и дающую высшее счастіе.

Часто люди пожилые кажутся красивѣе молодыхъ; въ чертахъ ихъ лицъ больше выраженія, больше силы: въ нихъ видна душа. Молодыя лица увлекаютъ насъ своей свѣжестью, но это совершенно чувственная и поверхностная вещь. Я люблю лица, на которыхъ морщинами написана біографія ихъ души, на которыхъ видны мысль или слѣды пережитыхъ страданій — это красота духовная!

И любить нужно умѣть. Дѣти, у которыхъ были любящіе родители, гораздо нѣжнѣе сердцемъ, чѣмъ другія. Есть люди, которые до того не умѣютъ любить, что гораздо несноснѣе для людей ими любимыхъ, чѣмъ для постороннихъ.

Я бы вычеркнулъ слово любить и замѣнилъ бы его такъ: „быть нѣжнымъ, посвятить себя другому, забыть о себѣ и жить для другаго“.

Люди, которыхъ пламя материнской любви не согрѣвало съ молоду, имѣютъ обыкновенно чувства холодныя, какъ погребенные подъ землей камни, не видящіе солнечныхъ лучей. У любви есть тоже своя Muttersprache, которой можно выучиться только дома у матери.

Дѣвочки не знаютъ той сладости материнской любви, какъ мальчики. Для первыхъ мать является

лишь гувернанткой — у мальчиковъ эту скучную роль беретъ на себя отецъ — мать является лишь ихъ другомъ, повѣреннымъ и врачемъ, предъ которымъ раскрывается раненая грудь, ангеломъ, отирающимъ слезы. Вотъ почему тѣ великіе мужи, которые обладали и великимъ сердцемъ, такъ горячо любили своихъ матерей. Дѣвочки любятъ больше отцовъ. Мать для нихъ играетъ роль отца.

Если-бъ женщины только знали, какъ привлекательна скромность! Уже Платонъ сказалъ, что „изъ двухъ женщинъ одинаково прекрасныхъ болѣе скромная и святая произведетъ сильнѣйшее впечатлѣніе даже на безбожника“.

Блондинка — женщина по преимуществу. Въ брюнеткѣ уже менѣе женственности. Поэтому всѣ идеальныя Мадонны Рафаэля блондинки. Мадонны: della Sedia, della Tenda i del'Impannata — лишь эскизы съ натуры. „Une blonde vaut deux noir“, писалъ Гюи д'Ареццо, а Гейне, когда передъ смертью еще разъ хотѣлъ увидѣть женщину, просилъ Бога, чтобы послалъ ему блондинку:

„Und eine Blonde müszt'es sein
Mit Augen Sanft wie Mondensschein“.

Блондинки не должны сниматься въ фотографіи. Въ нихъ есть что то большее, чѣмъ черты лица, и чего портретъ передать не можетъ. Il y a une feminité, un rayonnement въ ихъ чертахъ, которыя скорѣе могла бы воспроизвести музыка, чѣмъ рисунокъ. „Weit mehr, als die Brünetten versengen uns durch ihre strahlende Schönheit manche schein stille Heiligenbilder mit goldenem Glorienhaar und blauen Himmelsaugen und frommen Lilienhänden“—пишетъ Гейне;—а Рокпланъ сказалъ: „Dieu a donné la femme blonde aux peuples du Nord pour les consoler de l'absence du soleil“.

Блондинки похожи на водяные цвѣты. Никакіе цвѣты не имѣютъ такихъ нѣжныхъ, восковыхъ лепестковъ, какъ цвѣты водяные, но они и увядаютъ быстрѣе. Впрочемъ это не важно. Важно то, каковы они, когда цвѣтутъ.

Чтобы быть поэтомъ, нужно быть влюбленнымъ, а чтобы влюбиться, необходимо быть поэтомъ.

Прекраснѣйшее явленіе, которое мы можемъ наблюдать на нашей планетѣ, наилучшая судьба, которую можетъ дать жизнь человѣку здѣсь на землѣ, это истинная, чистая, святая любовь. „Tous les

trésors de la terre ne valent pas le bonheur d'être aimé", говоритъ Кальдеронъ. „L'amour est une folie qui procure à l'homme les plus grands plaisirs qu'il soit donné aux êtres de son espèce de gouter sur la terre", говоритъ Стэндаль. Кто кончилъ свой жизненный путь и не испыталъ этого, можетъ справедливо жаловаться Богу, зачѣмъ велѣлъ ему жить.

Но увы! Этотъ цвѣтокъ принадлежитъ уже минувшей геологической эпохѣ. Онъ вымираетъ, какъ ливанскіе кедры! За божествомъ, за королями, за отечествомъ и семьей уходятъ изъ міра поэзія и любовь и покидаютъ нашъ міръ. Ужь люди стыдятся честной привязанности, какъ старомодной шляпки. Какъ будто имѣть сердце значитъ быть какимъ то калѣкой, какъ будто честно любить— значитъ дѣлать нѣчто постыдное.

Женщина хорошо оплачиваетъ любовь. Она принимаетъ смерть и даетъ жизнь. Богъ посылаетъ намъ воскресеніе, безсмертіе и небо въ женщинѣ. Это кассиры Господа Бога, и только онѣ могутъ выплатить намъ то, что ассигновано намъ Богомъ. Что не дано ихъ теплой рукой, что не озарено ихъ любящимъ взглядомъ, то сухая проза, день безъ солнца.

Вотъ въѣзжаетъ въ городъ побѣдитель, покрытый славой. Зеленью, коврами и гирляндами ра-

зукрашены дома. Окна и балконы переполнены восторженной публикой; но онъ не видитъ этого, не слышитъ возгласовъ. Его душа пламенѣетъ, когда онъ приближается къ дому, въ который входилъ когда то съ замирающимъ сердцемъ. Онъ увидѣлъ на балконѣ особу, которой одинъ взглядъ сжалъ ему дыханіе. Одна ея улыбка заплатила ему за все, что онъ сдѣлалъ для своего народа.

Народъ, отечество, идея — все это абстракціи: у нихъ нѣтъ языка, они не поблагодарятъ насъ; нуженъ живой человѣкъ, женщина, которая бы выразила намъ эту благодарность, и которой признаніе стоило бы для насъ дороже признанія тысячи постороннихъ людей.

Желанія слаще, чѣмъ ихъ удовлетвореніе. Желаніе неудовлетворенное для насъ дороже, чѣмъ удовлетворенное. Оно удерживаетъ навсегда свой цвѣтъ и ароматъ. Оно не расплывется и не поблѣднѣетъ въ нашей памяти, какъ образъ прекрасной женщины, умершей въ цвѣтущей порѣ жизни.

Я уронилъ когда то нѣсколько капель дорогихъ духовъ на книгу. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ и всякій разъ, какъ я отворяю эту книжку, я чувствую этотъ нѣжный ароматъ. Бываютъ часто мелочи, которыя дорогая личность

сдѣлала для насъ священными. Едва къ нимъ приблизишься, какъ почувствуешь нѣжный, пріятный ароматъ былыхъ временъ, и прежнее дорогое чувство какъ будто воскресаетъ снова.

Есть два солнца:
Одно въ небѣ, другое въ душѣ.

Кто любитъ, тотъ уже имѣетъ себѣ награду въ своей любви. И что-жь можетъ дать намъ наша жизнь лучшаго, сравнительно съ этимъ сильнѣйшимъ и прекраснѣйшимъ чувствомъ, котораго только достоенъ человѣкъ?

Есть въ жизни минуты счастія, которыя платятъ за все остальное.

V.

РАЗНИЦА между нами и существами неодушевленными заключается въ чувствахъ: чѣмъ больше чувство, тѣмъ больше жизни. Влагать въ жизнь слишкомъ много сердца нѣтъ разсчета. Это будетъ похоже на тѣ образцовыя хозяйства, которыхъ доходы не покрываютъ убытковъ.

«Mais le bonheur c'est de donner».

Лабрюеръ выразился прекрасно:

„Le plaisir le plus délicat est de faire celui d'autrui".

Не слѣдуетъ придавать жизни большаго значенія, чѣмъ она заслуживаетъ. Что эта жизнь передъ вѣчностью? Меньше, чѣмъ секунда! Что такое человѣкъ сравнительно съ міромъ? Меньше, чѣмъ пылинка! Но какое намъ дѣло до всей этой философіи, если для насъ дорогая особа значитъ неизмѣримо болѣе, чѣмъ весь остальной міръ, а минута счастія, или страданія стоитъ дороже, чѣмъ

цѣлая вѣчность сзади и впереди. Весь міръ нашъ въ насъ самихъ, и всѣ времена въ той минутѣ настоящаго, которую мы переживаемъ.

Hae omnes creaturae in totum ego sunt et prater me aliud ens non est.

Въ одну минуту можно прожить десять лѣтъ. Можно посѣдѣть въ одну ночь и состарѣться въ одинъ годъ.

Бѣдное сердце людское! Даже избытокъ счастья уже причиняетъ ему боль! И какъ же странно оно устроено. Можетъ вмѣстить такъ много горя и такъ мало счастья!

Не въ томъ дѣло, чтобы жить долго, а чтобы жить такъ, какъ сердце требуетъ.

Не каждую минуту человѣкъ находится въ одинаковомъ возрастѣ. Иногда онъ кажется моложе, иногда старше. И невольно приходитъ въ голову греческій миѳъ о водѣ, возвращающей молодость. Счастье молодитъ и краситъ; горе и страданія старятъ и безобразятъ.

Богатство — это великая сумма побѣдъ надъ собой и другими.

Безъ состоянія многаго не хватаетъ до счастія, а при богатствѣ многое мѣшаетъ счастью.

Бѣдные счастливѣе богатыхъ. Если кто къ нимъ расположенъ, они могутъ быть увѣрены, что это расположеніе относится только къ ихъ личности, ибо ничего другаго у нихъ нѣтъ.

Къ огромному легіону заботъ и непріятностей богача прибавляется еще недовѣрчивость. Окруженные со всѣхъ сторонъ минами, осаждаемые арміей спекуляторовъ, они желаютъ знать: руководитъ ли того, кто къ нимъ приближается, безкорыстная симпатія, или жажда стяжанія? Отдать ли ему сердце или презрѣніе? Кто можетъ проникнуть въ душу человѣка: перлы ли тамъ на днѣ, или грязь?

Важнѣе всего для насъ то законное, конечно, самолюбіе человѣческаго сердца, которое требуетъ, чтобы у него не отнимали его прирожденнаго, если можно такъ выразиться, права: именно, чтобы ему не было запрещено имѣть то, что имѣютъ и самые убогіе.

Надъ цвѣтами мотылекъ летаетъ за мотылькомъ. На вѣткѣ липы присѣли и щебечутъ двѣ птички, а по широкимъ дорожкамъ сада человѣкъ ходитъ

одинокій. „О, что мы сдѣлали съ собой? Среди обстановки жизни, забыли о жизни: думая только о способахъ жизни, пропустили случай жить — эти птички и эти мотыльки свободнѣй и счастливѣй чѣмъ мы. О, Сынъ Божій, я понялъ Тебя!“

Лучше имѣть поменьше богатства, да побольше счастія.

И въ зипунѣ можетъ жить духъ Моцарта. И въ груди убогаго пастуха могутъ возвышаться рафаэлевскіе идеалы, тогда какъ въ кружевахъ и батистѣ можетъ жить грязный простецъ съ звѣриными инстинктами. Богочеловѣкъ, Христосъ, родился въ ясляхъ. Бывали ли когда ужаснѣе чудовища, какъ Фердинандъ II Бурбонъ или Александръ Борджіа, а они родились въ порфирѣ и носили корону. Но люди классифицируютъ по внѣшности. Видятъ не душу, а платье. И вотъ сильному міра поклонъ, а рожденному въ ясляхъ издѣвательство.

Но вѣдь иначе и быть не можетъ, ибо никто не видитъ, что у человѣка въ головѣ и въ сердцѣ.

О! отчего Богъ не сдѣлалъ такъ, чтобы прекрасной душѣ соотвѣтствовало и прекрасное тѣло, а душѣ грязной и низкой было удѣломъ внѣшнее безобразіе. Зачѣмъ позволять обманывать даже природѣ?

Между людьми невозможно взаимное разумѣніе. Какъ различныя растенія высасываютъ изъ той же почвы разныя краски и разные соки, такъ и каждый человѣкъ понимаетъ по своему то, что ему говорятъ.

Высокія души поднимаютъ все до своей вышины. Въ ихъ глазахъ цвѣтокъ склоняетъ головку къ молитвѣ. Камень философствуетъ. Низкія души опускаютъ все до своего уровня. Для нихъ жертва — глупость, геройство — спекуляція.

Есть люди, которые, какъ мухи, все пятнаютъ своимъ языкомъ. Предъ ними берегись раскрывать святыню!

Извѣстныхъ людей нужно видѣть въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, чтобы какъ слѣдуетъ оцѣнить. Ихъ душа отворяется лишь по временамъ, какъ цвѣтокъ на солнцѣ.

Кто вознесся на этомъ свѣтѣ до извѣстной степени благородства, тому уже нечего дѣлать! Какъ дозрѣлый плодъ самъ спадаетъ съ дерева, такъ выросшій духъ самъ собой отрывается отъ земли. И что же можетъ его удерживать, что можетъ привязывать его къ этой жизни, гдѣ болѣе зла, чѣмъ добра, гдѣ господствуетъ сила надъ правомъ, подлость надъ добродѣтелью, гдѣ все дви-

женіе есть не что иное, какъ война противъ всѣхъ, и взаимное уничтоженіе въ тысячѣ разнообразныхъ видахъ.

Цѣль искусства есть соединеніе идеала съ дѣйствительностью. А цѣль жизни развѣ не та же самая? И въ жизни должны мы стараться связать идеальное съ реальнымъ: мы живемъ одинаково въ мірѣ дѣйствія, какъ и въ мірѣ мысли, въ мірѣ реальномъ, какъ и идеальномъ. Можно и жизнь вознести до художественности.

Если ужь быть артистомъ, то въ величайшемъ искусствѣ въ жизни и въ дѣйствіяхъ! Всѣ другія искусства только копируютъ жизнь.

Надо любить, какъ Ромео, а другіе пусть о томъ поютъ и пишутъ.

Геній — это, Божіею милостію, монархъ въ сферѣ духа. Вильгельмъ завоеватель ударомъ руки превращаетъ мужика въ рыцаря. Игорь беретъ Ольгу изъ лѣсной хижины и сажаетъ на княжескій престолъ, а Рафаэль беретъ Форнарину изъ трактира и сажаетъ на Олимпъ искусства. Великій духъ — это великій богачъ и щедро платитъ за любовь, ибо даетъ за нее безсмертіе. Кто сопутствовалъ ему

въ жизни, тотъ послѣдуетъ за нимъ и въ безсмертіи, какъ Беатриче Данте.

Кто полюбилъ Шопена, тотъ не станетъ слушать балалайку.

Если кто чувствуетъ въ себѣ благородную тоску по дѣлу, потребность движенія и работы, смѣлое требованіе честолюбія — броситься въ борьбу жизни — пусть не слушаетъ людей трусливыхъ и не поддается впечатлѣніямъ минуты сомнѣнія, которыя овладѣваютъ иногда и самыми могучими душами. Пусть смѣло идетъ въ бой... Онъ можетъ погибнуть, но если выйдетъ изъ боя, жалѣть о томъ не будетъ. И еслибы ему пришлось быть раненымъ, то раны, полученныя въ борьбѣ за убѣжденія — дороги и святы. Пусть цѣль не будетъ достигнута, но онъ можетъ сказать о себѣ, какъ Ульрихъ Рюттенъ: „Ich hab's gewagt", и въ этихъ словахъ уже будетъ его награда.

Пусть человѣкъ въ своихъ стремленіяхъ не забываетъ голоса сердца! Оно говоритъ за интересы его природы и зоветъ его въ настоящую сферу. Инстинктъ вѣрнѣе разума.

Въ молодости мы стремимся побѣдить и покорить цѣлый міръ. И, дѣйствительно, побѣждаемъ—

внутри насъ самихъ. Ибо другаго міра, кромѣ того, который заключается въ насъ, въ сущности, вѣдь, нѣтъ.

Разъ жизнь началась, нужно помнить прежде всего, что надо жить и хорошо жить. Что случилось, того отмѣнить уже нельзя; нельзя пережить въ другой разъ лучше то, что уже прожито.

Важнѣйшая вещь для живаго существа—жизнь. Она даетъ смыслъ всему. Уже Софоклъ говорилъ: „Самое дорогое, мой сынъ, что у насъ есть, это существованіе". Все измѣряется этимъ. И всѣ наши стремленія въ концѣ концовъ имѣютъ одну цѣль: поддержаніе нашего существованія.

Деревья счастливѣе, чѣмъ люди. Каждый годъ есть у нихъ весна, каждый годъ—молодость.

Въ апрѣлѣ, когда пойдутъ новые соки, и освѣжившіяся деревья пускаютъ свѣжіе листки,—это новая молодость и любовь деревьевъ. Въ маѣ, когда они показываются бѣлыми цвѣтами, это ихъ свадьба. Деревья, какъ молодая невѣста къ вѣнцу, одѣваютъ бѣлое покрывало. Итакъ, каждый годъ у нихъ новая молодость, новая любовь, новый циклъ жизни.

А гордый человѣкъ проходитъ этотъ циклъ только одинъ разъ. У него всего одна молодость, и если

она не покроется бѣлыми цвѣтами, если у ней нѣтъ весны, на вѣкъ изгоняется человѣкъ изъ Божьяго пира, на вѣкъ погружается въ безразсвѣтный мракъ.

Даже крапивѣ позволилъ Богъ цвѣсти, даже она надѣваетъ свое свадебное платье. А сколько несчастныхъ, которымъ этого не дано!

Я хотѣлъ бы увидѣть небо въ этой жизни. Но гдѣ его искать? Конечно, въ сердцѣ; небо должно быть счастьемъ, а счастье живетъ въ сердцѣ. Роденбергъ поетъ: „Ein Blick in eine Frauenseele ist ein Blick ins Himmelreich“.

Каждая мысль имѣетъ свою жизнь, каждое чувство — свою біографію.

Благородныя натуры никогда не жалуются. Въ жалобѣ есть что то обыкновенное, малодушное, рабское.

Скрытое страданіе наоборотъ: въ немъ есть что то благородное и гордое, что то рыцарское и христіанское, что то такое, что Французы называютъ: „la pudeur de la souffrance“.

Отчего всѣ слушаютъ съ такимъ интересомъ, когда говорится о любви? Да оттого, что каждый здѣсь лично заинтересованъ: Nostra res agitur.

Странно, капризно и непонятно ты, сердце человѣка! Молодой человѣкъ полюбилъ всей душой дѣвушку. Для него несносны минуты, когда онъ ея не видитъ. Работа не спорится, его мысли далеко. Ему тѣсно, душно въ комнатѣ, онъ выходитъ изъ дому въ надеждѣ съ нею встрѣтиться.

Вотъ онъ замѣтилъ ее, бѣжитъ къ ней—прибѣжалъ и у него не хватаетъ смѣлости взглянуть на нее. Разгнѣванный, въ отчаяніи, онъ убѣгаетъ отъ людей, идетъ въ садъ. Онъ почти бредитъ про себя. Онъ готовъ бы отдать свою жизнь за случай поговорить съ ней и кажется ему, что, чтобы высказать ей все, что есть у него на душѣ, мало цѣлой вѣчности. Вдругъ на поворотѣ дорожки встрѣчаетъ онъ обожаемое существо. И что же? Казалось бы, что вотъ его взволнованныя чувства разорвутъ плотину и разольются бурной рѣкой. Ничего подобнаго! Онъ сдѣлалъ неловкій поклонъ, пробормоталъ что то совсѣмъ неподходящее, идя около нея, не нашелся о чемъ говорить, уходя холодно попрощался, а потомъ побѣжалъ домой, обуреваемый отчаяніемъ и, кажется, готовъ лишить себя жизни отъ стыда и сожалѣнія.

Но почему же это такъ, и кто это растолкуетъ.

У каждаго могутъ быть друзья, много друзей и притомъ искреннихъ. Но для этого ему нужно имѣть то, что притягиваетъ людей: славу, значеніе, власти, или хотя бы такую мишуру, какъ милліоны.

У кого нѣтъ ничего подобнаго, тотъ не имѣетъ права требовать, чтобъ его любили. Пусть подъ его вытертымъ сюртукомъ будетъ ангелъ въ душѣ — на него никто не обратитъ вниманія. Бѣдный юноша напрасно молитъ любви у своего божества: она смотритъ лишь на тѣхъ кто блистаетъ. Съ поникшей головой отходитъ бѣднякъ, говоря про себя: „Она будетъ меня любить тогда, когда меня будутъ любить всѣ; тогда, когда я буду сѣдымъ героемъ, а она — старой бабой". Съ задавленнымъ сердцемъ бросается онъ въ борьбу жизни, завоевываетъ весь тотъ театральный аппаратъ, котораго требуетъ свѣтъ. На немъ уже не потертый сюртукъ, а золотой мундиръ. Его всѣ ищутъ. Мужчины жмутъ сердечно его руку, женщины смотрятъ на него съ интересомъ, и не одна, можетъ быть, отдала бы ему свою руку и сердце. На его груди блестятъ бриллiанты орденовъ, а подъ ними сушь и развалина. Сердце изсохло. Глухо все, какъ въ театрѣ послѣ представленія, когда публика вышла и газъ погашенъ.

Мой другъ! Ты не пришелъ тогда, когда здѣсь было полно свѣта и раздавались божественныя аріи—теперь ужь поздно!

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ романъ всѣхъ тѣхъ, кто гнался за лавровымъ вѣнкомъ. Когда этотъ вѣнокъ былъ добытъ уже, не было той, для которой онъ добывался. Это сарказмъ жизни.

—❧—

Странное, непонятное и не поддающееся описанію чувство охватило мою душу. Я почувствовалъ необходимость церкви, молитвы. Мнѣ захотѣлось стать на минуту ребенкомъ, спрятать голову въ руки матери и выплакать все, что было на душѣ. Я сталъ передъ образомъ Богоматери, я горячо молился, и послѣ молитвы показалось мнѣ, что поручилъ я свою душу этой женщинѣ съ великимъ сердцемъ.

Она успокоила меня, какъ мать успокоиваетъ свое дитя. Иллюзія лишила меня покоя, иллюзія его и возвратила.

—❧—

Иногда появляется на горизонтѣ звѣзда, которая идетъ не такъ, какъ другія: не выходитъ и не заходитъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ и въ одно и тоже время, но летитъ поперекъ неба съ распущенными волосами и гибнетъ безъ слѣда.

О, блуждающая звѣзда, что вырвало тебя изъ твоихъ предвѣчныхъ путей? Какое отчаяніе бро-

сило тебя въ эту бездонную пропасть, какое пламя горитъ въ твоемъ лонѣ, что ты такъ свѣтишь, куда идешь ты и гдѣ сгинешь?

Я разгадалъ, о, печальная комета, твою драму... желаю тебѣ скораго конца!

Это написать на моемъ гробѣ.

Пусть разъяснитъ мнѣ кто нибудь, отчего наше сердце чувствуетъ боль сильнѣе, чѣмъ радость? Страданіе ему понятнѣй, какъ ближе и понятнѣй несчастіе, какъ будто несчастіе говоритъ на его родномъ языкѣ. Я не понимаю этого. По человѣческой логикѣ должно бы быть наоборотъ.

О, да! Любовь къ родителямъ есть для человѣка свѣтовой фокусъ, тотъ магнитъ, та сила притяженія, которая притягиваетъ вещи къ себѣ. Напрасно отрывается сердце и бросается въ бездны. Въ концѣ оно снова упадаетъ на свою землю. Это единственная сила и единственная любовь, никогда не остывающая.

Иногда въ одной слезѣ больше поэзіи, чѣмъ во всѣхъ поэтахъ.

Что такое цѣнность? Одна слеза стоитъ иногда дороже, чѣмъ самый дорогой брилліантъ.

Величайшее честолюбіе женщины — быть un puissant point d'attrait. Честолюбіе мужчины — побѣждать.

Въ молодости хочется вездѣ и во всемъ одерживать побѣды. Со временемъ мы замѣчаемъ, что это обходится дорого, que le jeu ne vaut pas la chandelle и останавливаемся на томъ спокойномъ правилѣ, что проще самому приспосабливаться къ обстоятельствамъ, чѣмъ обстоятельства устраивать по своему.

„Il faut estre fol en amour" (vieux adage du XIII siècle). Но любить сердцемъ, а не головой. Нужно увлекаться, а не разсуждать. Каждый, кто истинно любитъ, увлекаетъ — поскольку кого на это хватаетъ: у одного душа, горитъ какъ сальная свѣча, у другаго, какъ пожаръ.

У тѣхъ, чье сердце горитъ могучимъ пламенемъ, есть сильный характеръ, на который можно опереться. У тѣхъ же, которые никогда не увлекались—сердце слишкомъ тѣсно, тѣсна и голова.

Если кони неровно тянутъ, ѣзда плохая.

Нужно, чтобы мужъ и жена были подъ пару—

по крайней мѣрѣ нравственно, ибо счастье и несчастье чувствуемъ мы душой.

Человѣкъ не живетъ два раза. Онъ не можетъ повторить въ другой жизни то, что пропуститъ въ первой: „Drum prüfe wer sich ewig bindet“.

Мы замѣчаемъ огромную разницу въ умахъ и чувствахъ людей. Но какъ сдѣлать эту разницу видимой, какой масштабъ создать для нея?

Еслибъ можно умы людей мѣрять аршиномъ, а чувства термометромъ, можно бы сказать: этотъ уменъ на 250 сажень, другой на 1000. Сердце одного разогрѣвается до трехъ градусовъ Реомюра, сердце другого до 40.

Максимумъ напряженія очень различенъ у людей и то, что одному кажется малымъ, для другаго уже очень много.

Поэтому и въ любви каждый можетъ дать лишь столько, на сколько его хватитъ. Убогій духомъ человѣкъ не можетъ любить такъ, какъ человѣкъ съ великой душой. Недалекій разумъ видитъ все неясно и при слабомъ освѣщеніи; сильный умъ видитъ и чувствуетъ ясно: онъ обнимаетъ все, проникаетъ всюду, вникаетъ въ подробности, умѣетъ все открыть и объяснить, любитъ, если можно такъ выразиться, отдѣльно каж-

дую черту, каждое движеніе будитъ въ немъ новое чувство и даже un pètit dé faut находитъ въ его глазахъ извѣстное право быть любимымъ, какую то особенную красоту.

Ни въ чемъ не можетъ быть такой разницы, какъ въ томъ, какъ люди любятъ. Не знаю, какъ выразить эту разницу, но иногда мнѣ хочется сказать: „Ваши вклады не равны. Ея любовь я одѣлъ бы въ бѣлое атласное платье, на ея голову надѣлъ бы брилліантовъ и діадему и укрылъ бы ее гдѣ нибудь въ старинномъ замкѣ далеко, далеко отъ людей, а твою любовь нарядилъ бы въ ливрею и послалъ бы въ лакейскую.

Великій духъ въ домашней жизни бываетъ и хуже и лучше.

Онъ даетъ больше счастья, но больше и страданій. Онъ похожъ на повара, который ни щадитъ приправъ, не жалѣетъ ни перцу, ни сахару. Духъ мелкій даетъ меньше горя, но еще меньше счастья. Убогая хата—бѣдно все. Горе жить тамъ человѣку съ хорошимъ аппетитомъ: и наголодаться можетъ онъ и вкусу не найти.

Общая цѣль у всѣхъ насъ здѣсь: собственное счастіе. Но какъ различны пути, которые избираютъ для этого люди, сколько людей вмѣсто

того, чтобы отдохнуть, собравъ и приведя въ порядокъ все ими достигнутое, бѣгутъ безъ памяти впередъ, пока не прихлопнетъ ихъ смерть.

Они, какъ начали приготовлять себѣ постели, такъ и провозились надъ этимъ всю ночь и вмѣсто того, чтобы хорошо заснуть, не успѣли заснуть вовсе.

VI.

Порядокъ заказываетъ умъ, а умѣренность— силу.

Покажи мнѣ, что дѣлается у тебя въ комнатѣ и я скажу, что дѣлается въ твоей головѣ.

Я не люблю совершенства. Это не есть состояніе нормальное, но исключеніе и не годится для обыкновенной жизни. Для нея лучше всего середина.

Очень умный, или очень благородный человѣкъ не рѣдкость, какъ не рѣдкость человѣкъ очень сильный, или очень нѣжный. Но какая огромная рѣдкость человѣкъ умный и благородный вмѣстѣ, сильный и нѣжный вмѣстѣ! И понятно почему.

Les hommes se divisent en deux partis: ceux qui veulent, et ceux qui ont aîquis.

Лучшіе актеры за сценой.

Нужно беречься глупыхъ, ибо съ ними трудно столковаться, но еще больше слѣдуетъ избѣгать слабыхъ, ибо на нихъ нельзя положиться.

Чтобы быть вполнѣ Sans reproche, нужно быть сильнымъ. Большая часть людей сбиваются съ дороги не вслѣдствіе злой воли, а по слабости.

Кто глупъ, тотъ глупъ вездѣ: въ Бердичевѣ и въ Римѣ. Кто благороденъ, тотъ благороденъ вездѣ, и въ дѣлахъ, и въ домашней жизни. Честный человѣкъ честенъ и для родины, и для жены и для врага.

Только тотъ не знаетъ боязни, у кого нѣтъ пятенъ. Онъ можетъ смѣло смотрѣть каждому въ очи и говорить правду, ибо онъ не боится правды. Ему не нужно скрываться, ибо у него нечего скрывать, онъ не боится никого, ибо его не въ чѣмъ упрекнуть.

Чистота — неуязвима!

Человѣкъ безъ чувства похожъ на рыцаря, съ ногъ до головы окованнаго стальной броней. Онъ

смѣется надъ пускаемыми въ него стрѣлами, ибо ни одна не найдетъ его живаго мѣста. Человѣкъ съ сердцемъ похожъ на обнаженнаго борца. Кто къ нему ни прикоснется, прикоснется къ живому тѣлу.

Я видѣлъ страшную картину. То была цѣлая вереница людей съ могущественнѣйшимъ духомъ: Сократъ, Конфуцій, Катонъ, Галилей, Колумбъ, Савонаролла, Гусъ. Всѣ страшно истерзанные, а надъ ними кресты, висѣлицы, мечи палачей, орудія пытки...

Ужасное впечатлѣніе производила эта картина. Да, это страшный упрекъ, брошенный въ лицо той породѣ Каиновъ, которая мучитъ лучшихъ изъ своей среды и мститъ своимъ благодѣтелямъ.

Но, вглядѣвшись глубже въ сущность вещей, мы видимъ, что иначе не можетъ и быть. Какъ поверхность воды стремится всегда удержать равновѣсіе и имѣетъ свой уровень, такъ и толпа стягиваетъ всегда внизъ генія, возносящагося надъ общимъ уровнемъ, топитъ его и убиваетъ. Это соотвѣтствуетъ строго законамъ общественной статики. Это нивеллировка. Съ другой стороны это родъ парламентаризма, который имѣетъ базисомъ тотъ абсурдъ, что большинство всегда право, а такъ какъ глупцы всегда составляютъ большинство, то права глупость. Съ одной стороны стоитъ народъ и поетъ гимнъ золотому тельцу, съ дру-

гой стоитъ мудрецъ и говоритъ, что это не Богъ, а только телецъ. Страшное возбужденіе. Милліонъ слѣпыхъ бросается на одного зрячаго и разрываетъ его на части.

Тріумфъ глупости надъ разумомъ, это справедливость того вѣчнаго большинства глупцовъ, которое мы называемъ человѣчествомъ.

Аристократія характера существуетъ также, какъ аристократія ума.

Есть натуры апатичныя, которыхъ нервы вибрируютъ едва замѣтно. Дождь и солнце, краски и звуки, благородство и низость производятъ на нихъ слабое впечатлѣніе. Жизнь выражается въ нихъ только тѣмъ, что они переваривають. Такой человѣкъ представляетъ лишь желудокъ съ принадлежностями; сердце служитъ въ немъ лишь для доставленія крови желудку. Люди этой категоріи въ нравственной іерархіи общества представляютъ низшій слой, духовной жизни для котораго еще не существуетъ. Это животныя натуры.

Есть наоборотъ, натуры полныя электричества и фосфоресценціи, нѣжныя, впечатлительныя, проникающіяся всѣмъ глубоко и сильно отзывающіяся. Ихъ душа разгорается быстро, раскаляется до высочайшей степени и, можно сказать, даетъ искры.

Одинъ взглядъ можетъ ихъ заморозить. Одна улыбка зажечь всю кровь. Каждый ихъ нервъ

звучитъ, какъ натянутая струна, каждый атомъ ихъ тѣла чувствуетъ свое достоинство, и одного слова достаточно, чтобы вызвать въ нихъ цѣлую бурю, цѣлый пожаръ.

Вотъ настоящая голубая кровь — настоящая аристократія характера.

„Omnes ingeniosos melancholicos esse". Грустно имъ, что люди, которыхъ они питаютъ своими мыслями, ихъ бьютъ и бросаютъ ими, какъ тѣ телята, которыя теребятъ вымя своей матери, дающее имъ молоко. Грустно имъ, ибо не находятъ они себѣ угла на жизненномъ поприщѣ. Какъ Альфредъ Великій, скитаясь по своей странѣ, долженъ былъ переносить оскорбленія и неуваженіе темныхъ крестьянъ, незнавшихъ, что подъ рубищемъ скрывается монархъ, такъ и высокій духъ долженъ переносить оскорбленія простецовъ за то, что онъ не таковъ, какъ они. Грустно имъ, наконецъ, потому, что осуждены они на постоянное одиночество духа, что у нихъ нѣтъ равныхъ имъ, и чувствуютъ они глубоко, что находятся какъ будто на чужбинѣ, что станутъ они говорить, и никто ихъ не пойметъ, будутъ страдать, и никто не скажетъ слова утѣшенія.

Шопенгауэръ говоритъ: „Einen edlen Charakter denken wir uns immer mit einem Anstrich, von stiller Trauer, die nichts weniger ist als Verdries-

slichkeit über die Täglichen Wiederwärtigkeiten, Sondern, ein aus der Erkenntniss hervor gegangenes Bewusstsein der Nichtigkeit aller Güter und des Leidens alles Lebens, nicht des eigenen".

Въ другомъ мѣстѣ говоритъ онъ: „Die so häufig bemerkte trübe Stimmung hochbegabter Geister hat ihr Sinnbild am Montblanc, dessen Gipfel meistens bewölkt ist: aber wann bisweilen, zumal früh Morgens, der Wolkenschleier reisst und nun der Berg vom Sonnenlichte roth, aus seiner Himmelshöhe über den Wolken, auf Chamounix herabsieht: dann ist es ein Anblick, bei welchem jedem das Herz im tiefsten Grunde aufgeht".

Когда Богъ послалъ на землю генія, ему сдѣлалось жаль, что отдалъ такую аристократическую душу въ чуждое ей общество. И онъ сказалъ: „Грустно мнѣ, что въ своей миссіи ты не будешь имѣть товарищей равныхъ тебѣ и будешь осужденъ на одиночество съ самимъ собой: какъ награду за это, я вкладываю тебѣ въ душу неисчерпаемый источникъ мысли, всегда новой, всегда свѣжей, всегда стремительной и плодотворной— она будетъ твоимъ товарищемъ и повѣреннымъ, твоей любовницей и матерью твоихъ дѣтей; она будетъ тебя оживлять и молодить всегда своей неугасаемой свѣжестью".

И геній спустился на землю съ пророческой головой и сердцемъ юноши, ибо его душа заго-

рѣлась, какъ восходящее солнце, и каждое утро разцвѣтали въ немъ тысячи новыхъ мыслей, свѣжихъ и благоуханныхъ какъ весенніе цвѣты.

И ходилъ геній между людьми, какъ божественный Фебъ, нося въ своей душѣ безсмертіе и вѣчную юность. И сказано поэтому: „Le gènie n'a point d'age". Il n'a point d'age, parce qu'il porte dans son sein une source intarissable dé la jeunesse le rajeunissement perpétuel de sa pensée.

Предъ статуей Лаокоона.

Пусть видитъ въ этой группѣ, кто хочетъ, безсмысленную сказку, одинъ изъ эпизодовъ Иліады. Мнѣ говоритъ сердце, что здѣсь, ея слѣпой пѣвецъ, ты скрылъ тайну своей души!

Въ душѣ звучатъ мелодіи Шопена, страстныя и нѣжныя, дикія и захватывающія душу. Но что же изъ этого? Кто слышитъ ихъ? Кто можетъ ихъ повторить? Мы всѣ и глухи и нѣмы, только одинъ больше, другой меньше.

Есть ощущенія настолько тонкія, что описать ихъ нельзя. Желать выразить ихъ словами тоже, что желать передать въ разговорѣ красоту и очарованіе прекрасной мелодіи.

Что такое нашъ языкъ? Нѣсколько тысячъ значковъ. Мы стенографируемъ наши мысли, но изъ этихъ знаковъ также мало видно теплоты чувства, какъ изъ визитной карточки души ея владѣльца.

Самыя дорогія мысли обыкновенно не высказываются. Разсудокъ предостерегаетъ, что онѣ не будутъ поняты. Только самая посредственность, то, что не бьетъ людямъ въ глаза своей необыкновенностью, только она, понимаемая всѣми, можетъ имѣть курсъ, какъ размѣнная монета. Но наши самыя дорогія душевныя сокровища показываются лишь избраннымъ.

Есть люди, которые восхищаются всѣмъ. Есть люди, которые всѣмъ оскорбляются. Есть такіе, которые во всемъ видятъ смѣшное, есть и такіе, наконецъ, которые, какъ пчела беретъ медъ изъ цвѣтовъ, берутъ отовсюду разумную мысль.

О! Много нужно различныхъ дудокъ въ этомъ великомъ оркестрѣ человѣчества — и пусть каждая играетъ свою партію. Оркестромъ дирижируетъ съ неба самъ Великій Композиторъ.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.